

**ДЖ.М. КЕЙНС И М. ФРИДМАН:
РЕАНИМАЦИЯ УСТАРЕВШИХ ИДЕЙ
И ЕЕ ВРЕДНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЮ
(О научно-практической несостоятельности
ортодоксальной теории и практики)**

О. Сухарев,

*д-р экон. наук, профессор, г.н.с. ИЭ РАН,
профессор кафедры «Теории и методологии государственного
и муниципального управления» ФГУ МГУ*

**Непригодность доктрин Кейнса и Фридмана в виде
методов экономической политики развития**

Регулятивные идеи Дж.М. Кейнса возникли в ходе большого кризиса капитализма в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и оформлены им в виде базовой работы «Общая теория занятости, процента и денег» в 1936 г. К этому времени были известны и применялись общественные работы (в частности, в Скандинавских странах), и оценка их влияния на макроэкономику производилась Р. Каном в 1931 г. (мультипликатор Кана). Поэтому Кейнс имел эмпирическую основу для формирования своих идей. Это тот случай, когда политика выстраивается не по концептуально обоснованным идеям, а наоборот, капитализм ищет пути выхода из кризиса и одновременно «онаучивает» процесс поиска, притом, можно сказать, с некоторым опозданием.

Идеи монетаризма, активно развиваемые М. Фридманом уже в 1960-х гг., отнюдь не имели «кризисной основы», а вот практическое их воплощение, развернутое при стагфляции 1970-х гг., вызванной шоками предложения, повышением цен на энергоносители, происходило в неблагоприятной ситуации как ответ на нее.

Нелишне обратить внимание, что указанные теоретические конструкты не помогли предотвратить возникновение самой ситуации Великой стагнации 1970-х гг. Если Кейнс уделил центральное место совокупному спросу, его хватке для развития экономики ниже кривой производственных возможностей, то монетаризм Фридмана исходил из того, что экономика находится на границе указанной кривой и любое стимулирование вызывает инфляцию и понижение занятости. Для борьбы с инфляцией предлагалось сдерживать монетизацию, для чего в рамках разработки теории спроса на деньги Фридманом предлагалось «монетарное правило» ее увеличения (соразмерно с ростом ВВП), без решения вопроса о монетарном влиянии на сам рост.

Кроме того, высокие процентные ставки должны бы сыграть роль ограничителя роста цен, а для того чтобы стимулировать рост и производство, требовались меры по интенсификации инициативы бизнеса. При этом целевой функцией этой инициативы монетаристы не располагают до сих пор, и моделированию она практически не поддается.

Вместе с тем в буржуазной системе всегда присутствует главный мотив – извлечение прибыли, который детерминирует бизнес-решения. Так что понижение налогов может не обязательно направляться на развитие производства либо направляться, но в меньшем, чем ожидалось, объеме. Эти и многие другие

недостатки усеченных теорий – кейнсианства (рассматривающего только спрос и отдельные предпочтения агентов), либо монетаризма, делающего акцент на бизнес и противодействие инфляции как условие роста экономики – не могли и не могут привести к планомерному и устойчивому развитию. Их использование, в конце концов, приводило к накоплению недостатков применения и отказу от применения.

Что касается различных версий монетаризма и экономики предложения то они применялись в России в начале 1990-х гг. в рамках либерализации и приватизации, а также так называемой стабилизационной политики, которые и раздельно и в сумме привели к катастрофе 1990-х и начала 2000-х гг., сформировав две «наркотические иглы» – сырьевую и импортозависимую. При этом формально в 1999-2008 гг. наблюдался рост ВВП, да еще и темпом выше средневропейского – от 7 до 9,7%. Поэтому когда приводится аргумент, что «рейганомика» обеспечила рост, он должен восприниматься весьма относительным доказательством успешности. Строго говоря, по такому критерию, безразличному к производительности труда, нельзя судить об успешности политики. То же самое, кстати, касается подавления инфляции, когда безработица возросла, а совокупный конечный упал.

Чтобы понять подлинное содержание кейнсианства, которое стало течением в западной экономической теории, крайне необходима к изучению работа советского академика Е.С. Варги «О причинах популярности кейнсианства»². В ней он отмечает следующие основные характеристики этого течения, причем не принимать во внимание данных аргументов невозможно, потому как они имеют имманентный, объективный характер.

Во-первых, популярность Кейнса и кейнсианства объясняется тем, что этот подход льет воду на мельницу буржуазного класса, укрепляя его позиции в экономике, возлагая, например, вину за безработицу не на решения капиталистов освободиться от труда, а на высокую заработную плату, величина которой, дескать, зависит от требований рабочих. Кроме того, буржуазная экономическая мысль всегда грешила тем, что считала капиталистический строй вечным, а политэкономы стремились приспособить данную общественно-политическую формацию к изменяющимся условиям, казалось бы опрокидывающим ее, но меры, которые сохраняли данный строй – признавались лучшими. Идеи «созидательного разрушения» еще не было придумано в то время для оправдания кризисов и демонстрации их оздоравливающего эффекта. Хотя, заметим, у Й. Шумпетера нигде нет оценок потерь кризисов капитализма, а без этого обстоятельства, методология оправдания кризиса как оздоравливающего момента является несостоятельной.

Во-вторых, теория Кейнса, как справедливо утверждает Варга, не давала и не дает глубокого анализа капитализма, она лишь рассматривает поверхностные явления современного капитализма. Так было, когда она возникла; тем более так есть в настоящее время, когда капитализм совершенно иной³. У Кейнса нельзя найти исследования денег, товара, стоимости, прибавочной стоимости, процента, несмотря на то, что деньги и процент вынесены в название базовой его работы.

Далее Варга заключает, что Кейнс не создал своей собственной теории – он типичный эклектик⁴. Видимо, те признаки теории, которые предполагались во время Варги серьезно отличаются от тех представлений о теории, которые вынашивают отдельные современные экономисты – как зарубежные, так и российские.

В-третьих, в кейнсианском подходе не видна эволюция капитализма, изменение его исторических форм; никак не раскрываются закономерности изменений в способе производства и производственных отношениях. Все рассматривается, по сути, в статике, хотя динамический характер отдельных параметров, конечно, принимается во внимание – инвестиции, процент, сбережения, предпочтения ликвидности и пр., потому что локализовано кризисным состоянием капитализма, причем текущим кризисом, который вызван недостаточностью

спроса. Это не системный подход, он не высвечивает взаимосвязи, например, даже между спросом и предложением, средствами производства и предметами потребления. Объяснение прибыли и процента, в общем-то, копирует австрийскую школу, а она считается классической, влияя в том числе на формирование основных позиций монетаризма.

Отметим, что и кейнсианство и монетаризм – суть «равновесные» доктрины, они рассматривают равновесие спроса и предложения, шоки спроса и предложения отдельно, полагая, что экономика может и должна искать путь к равновесию как наиболее эффективной точке. Это является значительным заблуждением и существенно усекает работоспособность, и местами даже адекватность этих доктрин, поскольку теория совокупного спроса, а также теория спроса на деньги (монетаризм) даже в сопровождении «экономики предложения» не дают структурной картины развития национального хозяйства.

Варга опровергает и так называемый закон Кейнса, что в случае роста дохода человек тратит только часть его на свои нужды, остальное сберегая, поскольку имеются колоссально большие слои населения в капиталистическом мире, где люди еле сводят концы с концами, решая проблему голода и выживания: им не до сбережений. Этот аргумент весьма значимый, так как до сих пор эта проблема не снята с повестки дня. График, приведенный Дж. Стиглицем в книге «Люди, власть и прибыль» (2020), показывает рост дохода в США для 1% населения и практически отсутствие равнозначного наращивания дохода для оставшихся 99% населения Америки, подтверждает наличие этой проблемы современного капитализма.

В связи с этим никакие дифирамбы кейнсианству, что оно будто бы справилось с кризисом 1930-х гг., так же как и сменившему его монетаризму, якобы справившемуся со стагнацией 1970-х гг., не являются правомерными. С одной стороны, военные расходы и милитаризация экономики накануне Второй мировой войны спасли капитализм – и это положение легко доказывается эмпирическими данными. С другой – стагнация 1970-х гг. продолжилась отчасти и в 1980-е гг., приобретя форму нового витка милитаризации экономики США и Великобритании, а также увеличив безработицу, бюджетный дефицит и более чем в 6 раз ухудшив торговый баланс США в 1980-1988 гг.

Акад. А.Г. Аганбегян приводит в своей статье иные данные. Они, мягко говоря, спорные; он апеллирует также к темпу роста, что не является, как сказано, подлинным критерием оценки развития и эффективности, равно как и понижение инфляции. Да и динамика роста по среднему темпу не превышала послевоенную, как отмечается в статье академика. Если в 1980 г. безработица в США была 7,2%, то в 1988 г. она стала 5,5%. Однако она повышалась до 9,7% в 1982 г. и 9,6% в 1983 г., т.е. уже при реализации модели «рейганомики». Затем три года подряд составляла соответственно 7,5%, 7,2 и 7,0%. Понизилась она только в 1987 г. до 6,2%, и в 1988 г. – до 5,5%. Таким образом, в течение основного периода безработица была высокой. Инфляция в силу монетарных ограничений понизилась, но возрос бюджетный дефицит, и торговый баланс ухудшился в несколько раз.

Проф. В.Н. Сумароков в своей книге «Государственные финансы в системе макроэкономического регулирования» (1996) приводит таблицу П. Самуэльсона и В. Нордхауса о неоднозначных результатах «рейганомики» в сравнении с периодом 1960-1970 гг.⁵ Снижение производительности труда и частных сбережений, увеличение доли подоходного налога во всех налогах – вот что отличало «рейганомикю», помимо указанных особенностей. Она не может быть доказательством успешности теоретической доктрины Фридмана. Хотя бы потому, что теория спроса на деньги также усеченно представляет экономику, и не может обеспечить адекватного передаточного механизма экономической политики для решения задачи стимулирования наукоемкого роста, понижения инфляции и достижения социальных целей развития.

В итоге и Кейнс, и позже Фридман возлагали ответственность за рост безработицы не на капиталистические институты и организацию всей системы, а

на кризис, только вызванный разными причинами (нехваткой спроса или перегревом экономики), разрабатывая объяснения под эти причины. Значит, и подходы верны, пока присутствуют эти причины – в лучшем случае. Но оба не дают капитализму права на изменение этих причин, хотя таковое происходит исторически и практически обесценивает подобные «теоретические разработки». Последние призваны приводить капитализм к некоему нормальному состоянию, но без пересмотра его основ. Таким образом, оба подхода являются эклектичными, смешивающими ряд теоретических позиций из теории денег, полезности, индивидуального поведения, притом абсолютно вне контекста теории экономической политики (передаточного механизма), предлагающей меры движения к этому нормальному состоянию.

Однако возникает вопрос: почему и зачем в России в 2022 и 2024 гг. понадобилось реанимировать давно устаревшие капиталистические доктрины, усеченно представляющие экономическое развитие? Да еще противопоставлять их, осуществляя якобы сравнение (которое давно выполнено учеными различных поколений и на Западе, и в СССР, и в пореформенной России), с тем чтобы рекомендовать ни много ни мало монетаризм Фридмана как теорию, полезную для России сегодня, особенно при проведении структурно-технологических изменений и для организации социально-экономического роста⁶.

Мы не будем пересказывать здесь прочие весомые доводы акад. Е.С. Варги – они общеизвестны, так же как известен анализ, направленный против применения в России монетаризма по причине больших бед, которые принесло его применение ранее, в 1990-2000-х гг. В отдельных отношениях именно монетаристская политика проводится до сих пор. Объявленные в конце 1990-х гг. попытки в России развернуть «экономику предложения» окончились деиндустриализацией как раз по причине реализации принципов приватизации, либерализации и стабилизации монетаристскими методами. Имеется богатейшая литература членов секции экономики РАН Л.И. Абалкина, Д.С. Львова, С.Ю. Глазьева, а также С.С. Губанова, авторов журнала «Экономист», и многих других, где высвечиваются отрицательные стороны применения монетаризма в российской экономике.

Между тем в отмеченной статье А.Г. Аганбегяна речь идет о рекомендации Фридмана для текущей ситуации в России, которая обозначена как стагнация, преодоление которой видится посредством монетаризма, т.е. либерализации, приватизации, оптимизации бюджетных расходов, сдерживания монетизации и высоких процентных ставок. Однако именно эти решения всегда сдерживали и продолжают это делать – развитие российского современного хозяйства.

Для обоснования этой позиции приводится якобы успех «рейганомики» и «тэтчеризма» как политики, которая базировалась на монетаризме и «экономике предложения» как теоретической и прикладной доктрине. Вместе с тем данный подход не учитывает того, что точно так же, как теория Дж.М. Кейнса перестала быть инструментом, выручавшим капитализм от возникающей недостаточности совокупного спроса (не только кризисов перепроизводства), так и монетаризм с «экономикой предложения» изначально в силу эклектичности подхода, инерционности налоговых изменений в рамках «экономики предложения» не мог привести к однозначному системному положительному эффекту по влиянию на буржуазную экономику, хотя и выполнив лишь по отдельным целевым направлениям свою миссию, которая и приводится акад. А.Г. Аганбегяном в виде обоснования необходимости его применения в современной России⁷. Вместе с тем хотелось бы отметить, что «экономика предложения» Лаффера – Фридмана это совсем не то же самое, что «экономика предложения» России, поскольку страна остро нуждается в масштабной новой индустриализации, которую, как и структурно-технологические изменения, монетаризм не рассматривает, так как эти вопросы исключены из поля и предмета его рассмотрения по определению⁸.

Лафферовский подход на базе одноименной кривой, которую Дж.К. Гэлбрейт называл «умозрительной фальсификацией», показывающей интенсифи-

6. Экономист. № 1.

кацию бизнеса при снижении налогов при стабилизации дефицита бюджета (налоговые сборы сильно не сокращаются), не работает именно по причине того, что не удается определить положение экономики в точке ниже пика на кривой Лаффера, когда понижение средней налоговой ставки уже не даст этого эффекта, либо выше, когда такой эффект может быть наблюдаем. Однако какой он будет по величине, в случае, если экономика задавлена налогами, какой будет реакция бизнеса и изменение его мотивов – это остается неизвестно и слабо изучено наукой до сих пор. Инерционные налоговые изменения могут нейтрализовать такой эффект по ходу его развертывания, что и наблюдалось, когда Рейган многие свои налоговые изменения, объявленные в 1981 г. проводил в несколько этапов вплоть до 1986 г. Поэтому вести речь о некоем системном влиянии не приходится.

Насколько же нужны идеи Фридмана России сегодня, к чему они могут привести? Кратко остановимся на этом вопросе и далее перейдем к оценке технологической модернизации мировой экономики, которая представлена в докладе и одноименной статье Н.И. Ивановой⁹.

Нужен ли Фридман сегодня в России? Нищета ортодоксии

Названная статья А.Г. Аганбегяна, по сути, навязывает Фридмана России – требуется разобраться не только зачем, но и каковы предложения, якобы выполненные на базе этой теории. О нищете монетаризма и ортодоксии существует масса отечественных научных работ¹⁰. В то время как нет убедительных расчетов абсорбции денежной массы по видам деятельности и влияния монетизации на рост при разных уровнях монетизации ВВП и введенном с 2014 г. таргетировании, говорить об актуальности монетарного правила или подходов Фридмана, а также о приватизации и снижении налогов – как панацее для запуска роста в России – означает одно: непонимание системных пороков и задач развития, проблем системы управления и текущего состояния народнохозяйственной системы и мотивов ее агентов. Приведем оценку предложений А.Г. Аганбегяна для России, которые вроде бы должны вытекать из монетаризма Фридмана, если следовать пафосу статьи, сводящей хорошо и ранее исследованный вопрос замены кейнсианства монетаризмом в 1970-е гг. к триумфу этой теории в виде «рейганомии» и «тэтчеризма». Еще раз заметим, что успехи «рейганомии» неочевидны и полемичны. А проецирование идей Фридмана на текущий момент в России не имеет научной основы, сводя аргументы в политической плоскости, но обслуживает интересы компрадорского класса российской буржуазии: видимо, для нее и проектируется такого рода обоснование.

Имеется богатейшая литература, рассматривающая нюансы этой политики и, академически говоря, неоднозначность практических результатов. Сделанные выводы обоснованы, поскольку эклектичность теории и отсутствие исследований связи инструментов политики и объектов воздействия, а также обратных связей между элементами структуры экономики и мерами политики обнаруживает примитивность обеих теорий, превращая их в некий идеологический субстрат, приспособленный для пропаганды выживания капитализма.

Рассматриваемые теории возникли в одних обстоятельствах и в соответствующую эпоху, но монетаризм был применен в качестве базы для формирования принципов Вашингтонского консенсуса, отрицающая необходимость участия государства в формировании и стимулировании совокупного спроса для снижения безработицы. Процесс выработки нового формата либерализации экономики начался не стихийно и до того, как произошли шоки предложения вследствие поднятия цен на энергоносители мировым картелем ОПЕК, – с доклада президентской Комиссии Ханта 1972 г., где были заявлены позиции отказа от кейнсианства (в идеологии и политике) и провозглашена фактически эра «финансового монетаризма» – полной либерализации и свободы для банков и финансовой системы, которая с опорой позже на закон о дерегулировании кредитных учреждений 1980 г. в разы расширилась.

Доклад Ханта предлагал: отменить верхние пределы процентных ставок по депозитам; устранить отличия между банками и кредитными организациями; разрешить создание филиалов банков.

Это создало основу для Закона о дерегулировании от 1980 г., подготовившего базу «рейганомики», который включал следующие меры:

- отмену потолков процентных ставок;
- расширение возможностей ссудо-сберегательных организаций;
- упрощение условий кредитования;
- введение широких преференций для банков.

Это резко контрастировало, скажем, с докладом Комиссии по изучению работы денежной системы (1957 г.). В числе авторов основную роль играли представители кейнсианства проф. Кернкросс и проф. Сейерс. Они видели задачу монетарной политики во влиянии на структуру процентных ставок, а не на величину денежной массы, как монетаристы Фридмана. Кроме того, бюджетная политика и прямое регулирование, обеспечивающие монетизацию и капитализацию, рассматривались как основные рычаги влияния.

Однако смена подходов не принесла ощутимого выздоровления капитализму, обеспечив лишь временную элиминацию острых проблем, отодвинув их по сроку очередного обострения и получив компенсации от разрушения Советского Союза в виде различной ренты. Эти дивиденды, помноженные на компьютерную и электронную революцию, дали свой толчок для развития Запада в 1990-е гг.

Нелепо выглядит фраза А.Г. Аганбегяна, что в нашей ситуации предпочтительно опереться на разработки М. Фридмана¹¹. Особенно это явно после того, как они обанкротились в 1990-е гг., и такие представители секции экономики РАН, как Л.И. Абалкин, Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев, разоблачали и подчеркивали негативные результаты и перспективы применения монетаризма в России. Эта доктрина своей идеологией исповедует «минимальное государство», сокращение дотаций, расходов, программ, и делает ставку на приватизацию и либерализацию экономики в надежде, что бизнес даст прирост дохода, которые затем надо еще эффективно распределить. Однако понятно, что капитал в большей мере нарастит свой доход, иначе у него нет интереса к активизации своих усилий. Противопоставление предложения спросу не есть атрибут монетаризма, оно относимо к «экономике предложения» как течению и имеет малые научные основания, так как изменения в налогах могут и не привести к росту предложения. К тому же этот рост бессмыслен при подавлении спроса.

Странно выглядит тезис, что неправильно объявить одну или другую теории неверными: на деле именно таковыми они и являются – неадекватными современной ситуации, и даже той ситуации, когда их рекомендации пробовали применить на практике. Вместе с тем невозможно отделить, например, применение неких инструментов политики одновременно с другими, в частности милитаризацией экономики, что наблюдалось в годы и Кейнса, и Фридмана. Консолидирующее учение предлагалось, в частности Самуэльсоном, в виде «неоклассического синтеза», но и эти ортодоксальные рецепты не сработали, равно как больших результатов не получила и французская школа регулирования, также пытавшаяся объединить учение названных двух экономистов. Однако соединением обеих эклектичных доктрин системного качества получить не удалось.

Не следует привязывать бессилие кейнсианства к неспособности объяснить стагнацию или стагфляцию. Дело в том, что и монетаризм дал неверные рецепты, а кейнсианство рассматривало недостаток совокупного спроса, который вполне может быть и при стагнации – важно правильно выделить причины того или иного состояния капиталистической системы. Структурные, и тем более технологические, факторы не объяснялись и не рассматривались глубоко ни кейнсианством, ни монетаризмом. Они не сумели проанализировать структуру «спрос – предложение» таким образом, чтобы не концентрироваться на какой-то одной компоненте.

Рассмотрим, что же предлагается для России в качестве очередной панацеи в статье А.Г. Аганбегяна. Сведем эти предложения в табл. 1, показав отношение той или иной меры к кейнсианству или монетаризму и дав оценку целесообразности и адекватности современному состоянию и имеющимся аналитическим построениям в рамках структурно-институциональных исследований, проводимых сегодня российской школой, а также в работах теоретиков новой индустриализации, достижения которых почему-то упорно игнорируются современной «академической элитой».

Таблица 1

Характеристика предложений
для социально-экономического роста России¹²

Предлагаемые меры	Отнесение к кейнсианству или монетаризму	Оценка целесообразности и адекватности
<p>Повышение доли инвестиций в основной капитал до 30% к 2030 г. До такого же значения нужно довести и «экономику знаний», для чего ежегодные вложения в человеческий капитал следует увеличивать по 10-15% и заем по 8-10%. Задача – выйти на уровень ЕС в 2030-2035 гг., G-7 – в 2036-2040 гг.¹³</p>	<p>Предлагается низкопроцентный инвестиционный кредит (3-5%), долю которого следует увеличить за три года до 20%, а в течение шести лет – до 35%¹⁴. Источники кредитования – активы банков, золотовалютные резервы страны, бюджетный дефицит (до 3%), государственные займы. Это сугубо кейнсианские рецепты экономической политики, требующие низкой процентной ставки и увеличения государственных расходов и долговой экономики</p>	<p>Такая политика вполне целесообразна и адекватна, но она предлагается уже более 20 лет в России, причем безрезультатно. К монетаризму она не имеет прямого отношения. А выстраивание этой политики предполагает более глубокое обоснование ставок по кредитованию и процентной политике в России, не коррелирующей с процедурами устойчивого повышения ключевой ставки ЦБ РФ на протяжении 2023-2024 гг. Предложение не дает количественной оценки, будут ли достаточны финансовые ресурсы, которые называются, и каков механизм их распределения в экономике. Вне связи с реальным ресурсом – трудом и капиталом, сосредоточенным в секторах экономики, финансовые назначения, выделяемые на повышение уровня человеческого капитала и обновление фондов, без оценки платежеспособного спроса, остаются голословными назначениями</p>
<p>Заинтересовать бизнес в модернизации и технологическом прорыве</p>	<p>Снизить налог на прибыль, в 2 раза сократить сроки амортизации, сделав амортизационный фонд основным в формировании частных инвестиций. Предоставить налоговые каникулы – паузу, и другие льготы предприятиям, если они создают новые технологические мощности и перевооружаются технически. Эта мера близка к «экономике предложения» как разновидность монетаризма чикагской школы</p>	<p>Данные предложения могут не сработать, как это происходило в США в 1981-1988 гг., поскольку налоговые изменения обладают эффектом последствия (инерция, гистерезис). Они могут не привести к заинтересованности бизнеса что-то менять, даже если оставить всю прибыль без налогообложения. Амортизация не учитывается, согласно письму Росстата в ИЭ РАН от 2019 г., поэтому формирование этого фонда и отслеживание его использования составляет проблему не простую, а требующую серьезных институциональных изменений</p>

Предлагаемые меры	Отнесение к кейнсианству или монетаризму	Оценка целесообразности и адекватности
<p>За счет возросших финансовых результатов предприятий и Фонда национального благосостояния поднять пониженные реальные располагаемые доходы на 10-15%, повысить минимальную заработную плату в 1,5 раза, пенсий, пособий по безработице</p>	<p>Эта мера никак не монетаристская, поскольку общий крен на сокращение социальных расходов преобладал, хотя монетаристы предлагали поддержать наиболее обездоленные слои населения. Поэтому эту позицию предложений можно обозначить как «условно монетаристскую»</p>	<p>Справедливость этой меры не вызывает возражений, хотя адекватность и целесообразность зависит от расчета параметров спроса и показателей социального развития. Вызывает оговорки успешность наращивания финансовых результатов, поскольку меры социальной поддержки привязаны именно к ним и будут отсутствовать, если таковых не предвидится в ходе реализуемой политики. Такая привязка представляется слабо обоснованной, отражая лишь надежду на ожидаемый успех такой политики</p>
<p>Провести структурные реформы:</p> <p>собственности с массовой приватизацией, уменьшив долю государства с 35 до 25% ВВП, увеличив долю частной собственности в создании ВВП с 29 до 60%;</p> <p>регионального управления на принципах самокупаемости, самофинансирования и самоуправления, с минимальными дотациями регионам;</p> <p>по финансированию пенсий и здравоохранения, сокращению децильного разрыва – неравенства за счет прогрессивной шкалы налогов</p>	<p>Чисто монетаристский рецепт либерализации и приватизации экономики, расширяющий доходы наиболее обеспеченных и приводящий, при прочих равных, к росту неравенства</p> <p>Не имеет отношения ни к монетаризму, ни к кейнсианству. Однако в части снижения дотаций рассматривать можно как монетаристское, так как сокращаются бюджетные расходы</p> <p>Может быть отнесена к монетаризму условно – все зависит от содержания реформ, обычно сводимых монетаристами к оптимизации социальных расходов и их сокращению, с минимальным воздействием на систему распределения дохода, хотя налоговые изменения часто приводят именно к ее изменению, как в США доля подоходного налога в налоговых сборах возросла до 72% при «рейганомике»</p>	<p>Приватизация невозможна¹⁵, ибо до 85% фондовой базы страны контролирует частный сектор. Если он создает всего 30% ВВП, то эффективность его низка, и осуществлять дальнейшую приватизацию, тем более массовую, нецелесообразно, невозможно и не нужно. Нет основы в мотивах частного работать на экономику и рост. Приводимые данные по оде государства требуют уточнения и пересчета</p> <p>Целесообразность низкая, поскольку может произойти разрушение экономики России, разведение регионов в их развитии – региональная дивергенция может усилиться с угрозой суверенитету и целостности страны. Сокращение дотаций представляет вредную меру, так как действует против выравнивания развития регионов и не работает на целостность страны и единство управления</p> <p>Последствия их неоднозначны, сокращение расходов для России не является актуальным, это подрывает социальное развитие. Снижение неравенства возможно за счет большей прогрессии в налоговых ставках по НДФЛ, чем принято в России сегодня (недавняя реформа подоходного налога)</p>

Предлагаемые меры	Отнесение к кейнсианству или монетаризму	Оценка целесообразности и адекватности
Главное – переход на современное народнохозяйственное планирование, модернизированное для рыночной экономики, составить пятилетний план и выполнить указ президента от 21 июля 2018 г.	Неясно, что означает модернизация планирования под некую «рыночность» экономики и возможно ли такое действие? Однако это предложение антимонетаристское, так как монетаристы всегда были против плановой экономики и планирования и Фридман один из ведущих адептов такого подхода. Но оно и не кейнсианское, поскольку, выступая за регулирование экономики, все-таки Дж.М. Кейнс, несмотря на посещение советской России 2 или 3 раза, не обозначал функцию планирования как основную при подготовке государственных решений	Усеченная трактовка планирования только лишь, видимо, некими формами индикативного плана представляется ограничением для полноценной реализации функции планирования в России и достижения целей указов президента. Такой подход породит механическое копирование (например, Китая) без подготовки школы планировщиков в России и без содержательного плана развития народного хозяйства, который нужен стране

Источник: составлено автором с учетом позиции А.Г. Аганбегяна (левый и центральный столбик) по статье: Две главные макроэкономические теории Дж.М. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных страны мира и России // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5.

А.Г. Аганбегян утверждает, что применение предлагаемых им мер (левый столбик табл. 1) с учетом центрального столбика обеспечит в России социально-экономический рост и сделает его устойчивым до 2030 г. темпом 3–4%. Методологические неточности сопровождаются приводимым материалом, особенно явно выражены они в том, что пренебрегается многочисленными предложениями многих экономистов России, в том числе авторов «Экономиста», проф. С.С. Губанова, программа акад. С.Ю. Глазьева и др.

Однако доводы самого правого столбца табл. 1 наглядно демонстрируют причины непродуманности предлагаемых мер, слабой корреляции с монетаризмом, как и возможности их неэффективной реализации и даже ненужности для России, как предлагаемая А.Г. Аганбегяном приватизация. Печально, что опять ставится цель достичь уровня Испании и Италии к 2035 г., и к 2040 г. – Германии и Канады¹⁶. В то время как Россия имеет собственные цели и задачи развития в виде новой индустриализации, с применением пятилетнего планирования как базы управления экономикой страны, не сводя риторику к рынку или его отсутствию, без копирования чужих-то примененных давно рецептов или траекторий развития. В дебюте четырех коней, если черные копируют ходы белых до 13-го хода, то после него наступает неотвратимое поражение – это известно в теории шахматной игры, представляющей собой конкурентную в стратегическом плане игру. Аналогичную логику можно применить к экономике, слепое заимствование пройденного может быть бесполезно в конкурентном соревновании стран, как и ориентация на то, чтобы кого-то догнать по каким-то параметрам. Нужно ставить собственные цели и задачи национального развития – и они научно поставлены в рамках новой индустриализации.

Следует заключить, что табл. 1 дает точное видение предложений для России, которые имеют весьма слабое отношение к монетаризму, за исключением приватизации, либерализации, сокращения бюджетных расходов и дотаций (типичный монетаристский набор). Тем более непонятно, как эти подходы будут работать и позволять достичь столь масштабных системных целей развития экономики России и социально-экономического роста.

Справедливости ради отметим, что в заключение рассматриваемой работы А.Г. Аганбегян отмечает, что ни теория Кейнса, ни теория монетаризма Фридмана не учитывают переходный характер экономики от социализма к «развитому рыночному капитализму», правда, не принимая во внимание, что эти теории имели не очень хорошее качество применения даже в условиях сформиро-

вавшегося капитализма. Но если переходный характер экономики не учтен, что утверждает автор, то каким образом можно в этой же статье рекомендовать теорию монетаризма для России? Да еще прилагать ее к структурным и технологическим изменениям, задаче обеспечения социально-экономического роста, когда монетаризм в упор никогда не видел социальных индикаторов развития, а технологические и структурные моменты до сих пор плохо включены во все теории экономического роста. Монетаристские, как и кейнсианские, объяснения становятся жалкими и убогими в освещении задач развития России в XXI в. Их эклектика не позволяет даже подойти и обозначить решение многих сложных проблем структурно-институционального качества, особенно касающихся содержательной стороны капиталистического общественного устройства и такой формы, как социальное государство – заявленной в России в ее конституции. Кстати, А.Г. Аганбегян нигде не упоминает, что Россия названа не капиталистическим, но социальным государством, для развития которого имеется свой набор целей, задач, атрибутов и методов регулирования.

Таким образом, А.Г. Аганбегяном представлен поверхностный обзор давно и глубоко исследованной темы, а также устаревших во времени догм капиталистической экономической мысли прошлого, которые необоснованно предлагаются для экономической политики России, в то время как монетаристский подход должен быть отвергнут полностью за ненужностью и неадекватностью. Нищета ортодоксии состоит в том, что она применяет «неживые допущения», рассматривая систему около точки равновесия спроса и предложения, но предлагая меры политики, воздействующие без учета связи компонент экономики и обратных влияний, ее структуры и технологий. Вместе с тем монетаризм – это идеологически детерминированная теория, которая обслуживает политику в пользу финансовых кругов и богатых слоев населения. Это с очевидностью вытекает из многочисленных работ по монетаризму – как критических, так и оправдывающих это течение. Статья А.Г. Аганбегяна относится к последним.

В табл. 2 показаны отличия между кейнсианством и монетаризмом из нашей работы 2001 г. «Институциональная теория и экономическая политика», где подробно рассматривались возможности кейнсианских и монетаристских рецептов в рамках теорий передаточных механизмов политики (теории экономической политики).

Таблица 2

Направления передаточного механизма экономической политики по теоретическим направлениям ортодоксальной и институциональной школы (обобщенная оценка)

Теоретическая основа передаточного механизма	Время и причина возникновения	Базовая концепция передаточного механизма	Основные результаты применения
Кейнсианская	1920-1930 гг. Великая депрессия	Государственные и частные инвестиционные расходы, а также соответствующая кредитно-денежная политика способны вывести экономику из кризиса	Планомерный выход из депрессии к 1939 г. и обеспечение необходимого уровня военных расходов в период 2-й Мировой войны, высоких темпов послевоенного экономического роста
Монетаристская	Конец 1960-х – 1970-е гг. Великая стагфляция	Фискальная политика оказывает пагубное влияние на экономику. Денежно-кредитная политика способна, воздействуя на совокупный спрос, влиять на объем производства и рост цен	Для выхода из стагфляции понадобились дополнительные мероприятия

Рациональные ожидания	1970-е – начало 1980-х гг. Попытка усовершенствования монетарных механизмов регулирования	Рациональные ожидания индивидов обесценивают фискальную и кредитно-денежную составляющую политики стабилизации экономики. Использует скорректированный на лаги ожидания монетаристский передаточный механизм	В чистом виде никогда не применялся, поскольку отвергает влияние фискальной политики и изменения предложения денег на экономику
Экономика предложения	1980-е гг. Реформы Рейгана и Тэтчер. Обнаруженная ограниченность монетаристского механизма	Концепция минимального государства – сокращение социальных программ и государственных расходов, налоговая реформа – снижение налогов с целью повышения стимулов к труду, роста предложения и сбережений в экономике	Оценка результатов противоречива. Цели экономической политики в полном объеме достигнуты не были, а ряд показателей экономического развития ухудшился
Реальный цикл	1980-1990 гг. Новая трактовка «неоклассики», объяснение фаз цикла через реальные переменные	Реальные факторы: технология и ресурсы - причина циклической неустойчивости экономики	Позволяет объяснить эффект сжимающейся экономики постсоциалистических стран. Продолжает вызывать дискуссии
Институциональная	Конец 1980-х – 1990-е гг. Острая потребность решения социальных проблем и трансформации централизованной экономики	Единая концепция передаточного механизма отсутствует. Направленность на смену действующей институциональной структуры и рост государственного участия в трех главных областях: программировании экономического развития, включая разработку правовых условий и всей инфраструктуры; структурной политике; социальной политике	Целенаправленного применения не производилось в силу отсутствия единого передаточного механизма. Возникает проблема его разработки для реформируемых стран Восточной Европы и СНГ, поскольку был применен монетаристский Вашингтонский консенсус

Источник: составлено на основе – Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. – М.: ИЭ РАН. 2001.

К сожалению, современные исследователи слабо знакомы с обобщениями и работами по ортодоксальной школе (сравнению различных ее ветвей) конца 1990-х и начала 2000-х гг., что отражает табл. 2. Но даже беглый анализ дает неукоснительный вывод о том, что наиболее целесообразна для структурно-технологической трансформации школа планирования и структурно-институциональных исследований, причем советско-российская, поскольку имеет богатый практический опыт и теоретические обобщения, которые могут составить базу для проведения новой индустриализации страны (необходимость которой уже не требует доказательств). Без нее все разговоры о новой модели роста якобы социальной направленности являются гаданием на кофейной гуще и домыслами с некой подведенной под них и искаженной, как было показано, концептуальной основой, не выдерживающей критики.

Монетаризм не признавал промышленную политику, не видел технологических факторов развития, хотя «экономика предложения» и была как будто призвана к тому, чтобы повысить производительность труда, но не обеспечила такой результат на практике в США к 1988 г. Современный мир характеризует-

ся значительными и скоростными сдвигами в области техники, технологий, причем связанных далеко не только с цифровизацией и вводом искусственного интеллекта. Изменяются целые технологические направления, поскольку наука дала новые результаты для них. При этом проводимая политика пользуется в общем-то стандартным набором мер, которыми манипулируют для достижения поставленных целей и противоборства с конкурентами. Остановимся в заключение статьи на этом аспекте несколько подробнее.

«Промышленная политика 2.0» и технологическая модернизация России

В статье Н.И. Ивановой «Технологическая модернизация в современной мировой экономике» речь велась, скорее, об условиях технологической модернизации, изменяющихся в мире, а не о содержании процесса технологической модернизации (в статье нет ни слова, на наш взгляд, о направлениях развития технологий и оценке перспективы), который был сведен только к прогрессу в ИКТ – технологиях, цифровизации, искусственному интеллекту¹⁷. Эти условия, санкционная борьба, жесткая конкуренция Китая и США как будто формируют новый образ промышленной политики, обозначенный как «промышленная политика 2.0». Однако именно такой вывод о формировании промышленной политики якобы нового образца, на наш взгляд, является преждевременным, мало обоснованным. Отсылка к Родрику, что промышленная политика переходит от экспортно-импортных тарифов к системному регулированию – стимулированию «человеческого капитала», инфраструктуры и прямого финансирования – означает лишь непонимание всего набора инструментов промышленной политики, применявшейся в разных странах и разные исторические периоды. И прямое финансирование, и подготовка новых кадров, и создание инфраструктуры – все эти задачи решались в СССР и ряде других стран в те или иные периоды.

Таким образом, набор инструментов промышленной политики сформирован давно – и нового образа здесь не привнесено. Другое дело, что неолиберальные методы, сводимые эту политику лишь к неким формам экспортно-импортных ограничений сегодня, не ослабевая, дополняются целым набором иных средств и методов, включая и перечисленные. Кстати, к методам промышленной (отраслевой) политики следует отнести проектирование (планирование) программ и проектов (национальные проекты России), формирующих сетку приоритетов промышленного (шире – отраслевого) развития¹⁸. Разведение промышленной и отраслевой политики, особенно придание последней структурного характера, не вполне оправдано, поскольку и промышленная политика является структурной по своему содержанию, затрагивающей многие секторы промышленного производства.

Наукоемкую ориентацию мер «промышленной политики 2.0» вряд ли можно считать ее атрибутом, поскольку различные виды промышленной политики (селективная и системная) предполагали всегда стимулирование новых технологий и интеллектуализацию производственных систем.

Особый акцент в статье и докладе Н.И. Ивановой сделан на идеях Й. Шумпетера, в частности его идее «созидательного разрушения»¹⁹. Но она дается следующим образом: «В большинстве развитых стран бизнес является агентом технологического развития в полном соответствии с идеями Й.А. Шумпетера, выдвинувшего концепцию 'созидательного разрушения' – жесткой конкурентной борьбы компаний за новые технологии и бизнесы на их основе»²⁰.

Однако идея «созидательного разрушения», оправдывающая капиталистические кризисы, описывала конкуренцию по средствам производства, причем Шумпетер предполагал и утверждал, что новые отвлекают ресурсы от старых комбинаций (средств производства, технологий). Вместе с тем современное технологическое развитие уже не полностью подчиняется этому принципу.

Действует «комбинаторное наращение» в области технологий – и этот принцип доказан и введен как конкурирующий в описании современного развития науки и техники – российской экономической школой (труды Д.С. Львова, С.Ю. Глазьева, О.С. Сухарева, Д.О. Скобелева, Е.Н. Стрижаковой; по микропроцессорной индустриализации – С.С. Губанова и др.)²⁷.

Причем работы опубликованы как внутри страны, так и за рубежом на протяжении последних 17-20 лет. Они серьезно модифицируют видение технологического развития «по Шумпетеру», демонстрируют, как действуют оба эффекта, поскольку они вместе описывают происходящие технологические изменения, но один из принципов не может описать изменений в области современной техники и технологий. Причина в том, что ресурс для технологий стал интерспецифическим (термин Уильямсона), и заимствовать либо отвлекать его для создания новых технологий становится проблематично. Хотя общий конкурентный процесс за ресурсы общего назначения и даже за специальные интеллектуальные ресурсы происходит. Но область техники и технологий обнаруживает комбинаторику – и решения на стыке наук и направлений, при сопряжении и дополнении технологий, а не только замещении.

Сведение технологически изменений исключительно и только к ИКТ-секторам смотрится весьма усеченно, ибо трансформация охватывает различные технические направления. А рост на 50% затрат по компаниям ИКТ требует оценки, какая доля этих затрат чисто спекулятивная и идет на формирование «технологического пузыря», а какая – на создание новых технологий даже в этом секторе. Эффект «комбинаторного наращения» может рассматриваться как стартовый для проведения новой индустриализации и технологического обновления в России.

Таблица 3 отражает особенности двух эффектов, а табл. 4 дает представление о политике обеспечения технологического суверенитета в России, с учетом мировых тенденций развития технологических областей и двух режимов развития, каждый из которых отвечает принципу «созидательного разрушения» и «комбинаторного наращения».

Таблица 3

**Эффекты технологического развития:
«созидательное разрушение» и «комбинаторное наращение»**

Принцип	созидательного разрушения	комбинаторного наращения
Технология		
Новая	Заимствует ресурс от старой технологии	Создает новый ресурс под себя, под комбинацию технологий либо совершенствует старый, не требуя больших инвестиций
Старая	Отдает ресурс в пользу новой технологии, сокращается вплоть до деградации и разрушения либо стабилизируется	Приобретает новые качества или свойства, может также использовать обновленный ресурс, стабилизирует свое состояние либо улучшает, оптимизируя свои возможности за счет роста производительности капитала и труда

Источник: составлено автором.

Таблица 4

Технологический суверенитет и режимы технологического развития

Режимы технологического развития	Достижение технологического суверенитета (независимости) – содержание действий (мер политики)
Созидательное разрушение	Новая технологическая база (разработки); внедрение новых технологий, замещающих устаревающие технологии, импортные;

Режимы технологического развития	Достижение технологического суверенитета (независимости) – содержание действий (мер политики)
	<p>существенные инвестиции, формирование спроса на замену технологий и оборудования;</p> <p>преодоление технологической отсталости, индустриализация как база для технологических инноваций;</p> <p>управляющие воздействия на распределение ресурсов в экономике – соответствующая макроэкономическая политика и создание институциональных условий по замещению технологий</p>
Комбинаторное наращивание	<p>Имеющаяся технологическая база;</p> <p>комбинация технологий, активизация НИОКР по поиску технологических решений на отечественной базе;</p> <p>не требующиеся большие инвестиции в фонды и технологические изыскания;</p> <p>преодоление сложившегося разрыва в технологических цепочках за счет выдавливания импортных технологий на базе комбинаторных решений по отечественной базе с учетом уже накопленного опыта эксплуатации и зарубежных технологий;</p> <p>управление, стимулирующее создание нового ресурса и технологический выбор и поиск, направленный на решение текущих технических, инженерных задач</p>

Источник: составлено автором.

Поскольку существует разница в мерах политики согласно одному и другому режиму (табл. 4), а оба они могут проявляться в технологических изменениях, но какой-то один преобладать, то понадобится, скорее всего, комбинация мер проводимой экономической политики обеспечения технологического суверенитета, всегда подчиненных плану и достижению целевых установок социально-экономического развития страны.

В качестве основополагающих тенденций современного индустриального развития выделяются следующие базисные позиции, которые и отражают технологическую модернизацию в мировой экономике более или менее системно, а не так урывками, сводимыми к доминированию ИКТ, как отражено в указанной статье. К ним отнесем следующие положения:

сокращение численности занятых в производстве при росте уровня автоматизации и наукоемкости, а также электронизации индустрии (снижение доли промышленности в ВВП, рост квалификации персонала);

реструктуризация промышленного производства (роботизация, секторальные изменения);

сокращение станочного парка при росте производительности станков, роботизации и внедрении искусственного интеллекта;

интенсификация инновационного процесса, сокращение времени смены поколений техники и технологий, повышение спекулятивной составляющей рынка инноваций в области информации и знаний с увеличением силы влияния на современный финансово-экономический кризис;

повышение уровня технологичности и повышение конкуренции за интеллект, знания, технологии, на рынках наукоемкой продукции, проводимой институциональными методами (торговые конфликты, войны, санкции, международные организации и т.д.).

Именно указанные процессы в сумме создают картину технологической модернизации, включая в нее не только собственно технологии, но и кадры, знания, рынки наукоемкой продукции и пр.

В области ИКТ до 2025 г. такие страны, как Германия, США и Китай, реализовывали свои собственные стратегии индустриального развития. Если стратегия Германии чем-то напоминала китайскую, то в Америке ставились иные цели и применялись другие методы их достижения. В частности, программа

консорциума промышленного интернета в США в качестве технологического и индустриального приоритета ставила задачу расширения доступа к базам данных, цифровизации и промышленного интернета, создания на этой основе новых видов бизнеса. В Германии «Индустрия 4.0» как программа предполагала акценты на машиностроении и производственных системах, автоматизации и робототехнике, развитии аппаратных средств и создании оборудования. А в Китае программа «Сделано в Китае – 2025» ставила акцент на производстве, развитии интернета и электронной торговли, технологической модернизации отраслей и разработке новых технологий, на которых должен базироваться рост всей экономики.

Утверждения, будто по этой программе Китай скрывает информацию, дескать, не все так гладко, смотряся как искусственно притянутая критика, объясняющая действенность санкций со стороны США.

Во всяком случае, такие нотки обнаруживаются в статье Н.И. Ивановой, даже если в таком виде у автора не было желания представить ситуацию. Представляется, что Китай сам найдет в себе силы подвести итоги реализации программы, что характерно для государственного управления в этой стране, в отличие от России, когда достоверно и ответственно не осуществляются ни анализ итогов и результативности различных планов и программ, ни коррекция программных установок дальнейшего развития даже в условиях санкций. Проблему надо видеть по существу, учитывая попытки организации мировой системы так, чтобы наносить удары по развитию негодных государств из одной части мира в другой его части. Это проблема сугубо капиталистического развития, поскольку передел мировой экономики достиг насыщения и развернута система конфликтов, переходящих в войны для установления нового *status quo*. При социалистической организации мировой экономики такой исход был бы исключен.

Статья Н.И. Ивановой касается важной, однако не раскрытой в подлинном ключе проблемы – это оценка влияния научно-технического прогресса (НТП) на экономический рост и состояния самого НТП. На наш взгляд, вклад НТП современная экономическая наука считать не научилась, так как остаток Солоу не дает подлинной оценки этого параметра. Более того, по затратам можно оценить лишь масштаб деятельности, например наукоёмкой – по доле затрат на НИОКР или внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП. Но это не результативность и вклад в долгосрочный рост, который, разумеется, обеспечивается научными или технологическими достижениями, даже если по какому-либо критерию обнаруживается замедление технического прогресса: например, понизилась скорость фундаментальных открытий (как и частота) или увеличилось время превращения их в конкретные технологии. Интересно, что каждый показатель, доля затрат на НИОКР и доля внутренних затрат на исследования и разработки, показывает только масштаб деятельности, не отражает технологического продвижения, поскольку затраты не характеризуют результаты, хотя и связаны с ними. Кроме того, каждый показатель включает структуру – отдельно затраты на НИР и ОКР, отдельно – на исследования и разработки, а в сумме итоговый показатель искажает картину.

Применение такого рода показателей в межстрановых сравнениях говорит о масштабе, но не результативности этой деятельности и превосходстве в обладании конкретными технологиями. Вместе с тем формируются режимы технологической зависимости, и это составляет подлинную опасность для дальнейшего развития мировой экономики и конкретно – России, которой необходимо увеличивать масштаб деятельности в области знаний и технологий, наращивая число исследователей и новаторов, повышать результативность в области создания и внедрения новых технологий.

Однако монетаризм точно будет негодным методом воплощения таких стратегических планов. Только новая индустриализация как программа и стратегический план, связывающая многие сектора и восстанавливающая утраченные виды наукоёмкой деятельности, позволит подвинуться в этом вопросе и

— Проф
Лавкина Е. В.
Лаборатория

GAР-10M, BIOMERICA
TEL: 010 353 0 563 0
FAX: 010 353 0 563 0

«ИНИПРО», д. 29, пом. 4

ООО «ИНИПРО» 121059, г. Москва,
Киевская, д. 7, к. 1, пом. 4
Тел: +7 (495) 563 0 563, www.inipro.ru

оздать предусловия для новой модели роста. Ставить задачу новой модели экономического роста на базе устаревших и неверных по большей части доктрин, показавших свою несостоятельность, да еще предлагать скачком решать ее – значит нанести непоправимый вред дальнейшему развитию России. А литит по нанесению вреда наша страна все-таки уже исчерпала. Сказанное относится также к пересмотрам и фальсификации ее истории, в которой она во многом повинна сама.

Нашей стране нужна, прежде всего, иная аналитика, иной состав Академии наук по экономическому направлению – не эпигоны и интерпретаторы американской мысли, а генераторы своих собственных идей и научных направлений.

Заключение

Подводя итог, следует сделать следующие основные выводы.

В России, в академическом сообществе существует явное непонимание связи теории и практики экономики, отсюда и дезориентация, какие меры и рецепты развития России предлагать. Это наглядно доказывают и приводимые статьи академиков А.Г. Аганбегяна и Н.И. Ивановой²².

В России налицо сложившаяся практика оценки предложений и разработок по регламентам или по принадлежности к экономической или академической группе, а не по сути разработок, предложений и ценности их для страны. Представители академического сообщества показывают полное незнание теории и фундаментально обоснованного вывода о необходимости формирования экономической системы, приведенной в соответствие с законом вертикальной интеграции и адекватной требованиям новой индустриализации. Академическое сообщество, за единичными исключениями, не отреагировало на неоиндустриальную концепцию и основы неоиндустриальной политики, изложенные на страницах журнала «Экономист» при активной роли С.С. Губанова и его единомышленников в период 2000-2025 гг.

Между тем в рамках парадигмы новой индустриализации акцент делался на суверенизацию отечественной экономической системы и экономики, на импортозамещение, на научно-технический и технологический суверенитет, на автоматизацию производительных сил, на безлюдные технологии, включая военные. Актуальность и приоритетность этих направлений особенно остро проявилась в условиях специальной военной операции на Украине. Игнорируются даже предложения президиума РАН по стратегии научно-технологического развития страны, в которой отмечена негативная роль высокой процентной ставки, демонетизации и разрушения интегрированных индустриальных цепочек, т.е. прямых последствий той приватизации, которую опять предлагает А.Г. Аганбегян, следуя заветам Фрийдмана.

Российская экономическая наука имеет разработки, выводящие ее предложения далеко за узкий горизонт подходов Фрийдмана и Шумпетера²³. Технологическая гонка и конкуренция происходят не по «созидательному разрушению»; они подчиняются принципу «комбинаторного наращивания», преимущества которого должны быть заложены в проводимой научно-технической и индустриальной политике.

Присутствуют не вполне корректные оценки технологической модернизации в мировой экономике, сводящие проблему в область неких политических условий, санкций и противоборства в реализации тех или иных программ. Борьба за рынки имеет первостепенное значение при капитализме, но технологическая борьба начинается ранее – на уровне стандартов и правил организации системы науки и образования в каждой стране, а также способов заимствования различных технических решений.

Обобщая, отметим, что обеспечение примата давно устаревших подходов Кейнса ли, Фрийдмана ли, Стиглица ли, который пытается что-то реформировать посредством прогрессивного капитализма, – несостоятельно. Оно неадек-

ватно не только для России, но и для капиталистических стран с большой историей буржуазной экономической мысли²⁴.

¹ Подготовлена автором как аргументированный ответ на статью: Аганбегян А.Г. Две главные макроэкономические теории Дж.М. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных страны мира и России // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5. С. 9-20; а также на статью: Иванова Н.И. Технологическая модернизация в современной мировой экономике // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 3. С. 17-28. На их основе были сделаны доклады 19 октября 2024 г. на Комиссии ООН РАН под председательством Г.А. Тосуняна, на обсуждении которых выступил автор настоящей статьи. Часть высказанных аргументов, возражений и замечаний составила текст этой статьи.

² См. Варга Е.С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. – М.: Ленанд. 2023. С. 329-357.

³ Там же. С. 330.

⁴ Там же. С. 331.

⁵ Сумароков В.Н. Государственные финансы в системе макроэкономического регулирования. – М.: Финансы и статистика. 1996. С. 72.

⁶ Такая рекомендация содержится в статье и основанном на ней докладе А.Г. Аганбегяна. Подробнее см.: Аганбегян А.Г. Две главные макроэкономические теории Дж.М. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных страны мира и России // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5. С. 9-20.

⁷ Экономика находится ниже кривой производственных возможностей, в силу чего и необходимо стимулировать совокупный спрос, преодолевая дефляцию (снижение цен) и борясь с сокращением занятости и производства.

⁸ Об аргументации против «экономики предложения», которая рекомендовалась в России еще в конце 1990-х гг., для проведения монетаристскими методами («рейганомика», «тэтчеризм») подробнее см.: Сухарев О.С. Теория экономической дисфункции. – М.: Машиностроение. 2001.

⁹ Иванова Н.И. Технологическая модернизация в современной мировой экономике. Экономика. Налоги. Право. 2024. № 3. С. 17-28.

¹⁰ Подробная аргументация изложена в работах Л.И. Абалкина, Д.С. Львова, С.Ю. Глазьева, С.С. Губанова; также см.: Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. – М.: ИЭ РАН. 2001.

¹¹ Аганбегян А.Г. Две главные макроэкономические теории Дж. М. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных стран мира и России // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5. С. 16-17.

¹² Речь идет о предложении А.Г. Аганбегяна в рассматриваемой и анализируемой статье. Особое внимание автор обращает на программу акад. С.Ю. Глазьева, где многие позиции научно обоснованы вне связи с монетаристской теорией. Подробнее см.: Глазьев С.Ю., Сухарев О.С. Экономический рост России и структурная модернизация: проектный подход // Российский экономический журнал. 2024. № 2. С. 4-30.

¹³ Аганбегян А.Г. Две главные макроэкономические теории Дж. М. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных стран мира и России // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5. С. 18.

¹⁴ Там же. Первые три пункта предложений А.Г. Аганбегяна из шести, обозначенных в его статье, охватываются этой строкой таблицы – первым и вторым столбиком.

¹⁵ Подробнее см.: Сухарев О.С. Новая приватизация в России: провал политики, хозяйственная диверсия и «экономика предложения»? // Экономист. 2023. № 7. С. 39-51. К стати, подобные оценки дает проф. К.А. Хубиев в одной из своих статей в «Экономисте».

¹⁶ Аганбегян А.Г. Две главные макроэкономические теории Дж.М. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных стран мира и России // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5. С. 19.

¹⁷ На ее положениях доклад Н.И. Ивановой был озвучен вторым по счету после доклада А.Г. Аганбегяна 19 октября 2024 г. под председательством акад. Г.А. Тосуняна (заседание Комиссии ООН РАН под председательством Г.А. Тосуняна). Иванова Н.И. Технологическая модернизация в современной мировой экономике // Экономика, налоги, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 17-28.

¹⁸ Существенные возражения и уточнения по Китаю и его развитию внес проф. А.В. Островский на обсуждении доклада Ивановой по указанной статье. Автор не будет касаться этого аспекта, поскольку полностью согласен с доводами.

¹⁹ Сухарев О.С. Эволюционная макроэкономика в шumpетерианском прочтении (к новой системе взаимодействия «новатора» и «консерватора»). Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 41-52. Сухарев О. Современные концепции хозяйственного развития // Экономист. 2003. № 7.

²⁰ Иванова Н.И. Технологическая модернизация в современной мировой экономике. Экономика, налоги, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 24.

²¹ Незнание этих разработок в России по правилу «нет пророка в своем отечестве» не укрощает академический состав России, не поднимает его на должную высоту.

²² Не совсем ясно, как такой текст, с погрешностями в данных и некорректными оценками, с фактическими искажениями, мог пройти редактуру. Не хотелось бы предполагать наличие нарочито пренебрежительного отношения к конкретному и уважаемому автору со стороны журнала «Проблемы прогнозирования».

²³ См., например, работы Л.И. Абалкина, С.Ю. Глазьева, С.С. Губанова. В частности: Абалкин Л.И. Стратегия России: взгляд в завтрашний день // Экономист. 2003. № 7. С. 3-9; Сухарев О. Современные концепции хозяйственного развития // Экономист. 2003. № 7. С. 33-42; Сухарев О.С. О выборе стратегии макроэкономической политики // Вопросы экономики, 2004. № 8. С. 77-89.

²⁴ См.: Сухарев О.С. Спасение капитализма посредством «прогрессивного капитализма» (об утопической доктрине Дж. Стиглица) // Экономист. 2020. № 12.

